

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (58)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (58)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

- Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

- Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-58-3-13>

Голикова С.В.

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: avokilog@mail.ru

ОСПА ХОРОШАЯ И ПЛОХАЯ: ЭВОЛЮЦИЯ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПЕРСОНИФИКАЦИИ БОЛЕЗНИ НА УРАЛЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Исследуется усложнение образа оспы в народном восприятии, вызванное организацией вакцинации. Стимулом к появлению новых представлений о ней стали меры правительства по пропаганде прививок посредством проповедей духовенства и распространения «народных картинок». В изображениях и текстах польза прививной оспы противопоставлялась вреду натуральной. Усвоив принцип дуальности, народное сознание реализовало его в оппозиции «свой-чужой», признав инфекцию «своей» и затруднив борьбу с ней.

Ключевые слова: персонификация болезни, история иммунопрофилактики, оспопрививание, «народные картинки», оппозиция «свой-чужой».

Несмотря на заверение В.В. Усачевой в том, что у «славян почти всякая болезнь — это живое существо» [2008, с. 265], чаще всего персонификациями болезней (за исключением лихорадок) выступают особо опасные инфекции — чума, холера, оспа. Представления о них актуализируются (и имеют возможность обогащаться) при каждой эпидемической вспышке. В этом ряду оспа занимает особое положение, поскольку воззрения на нее сформировались и под влиянием прививания. О чем свидетельствует появление концепта «оспа — печать антихриста». В отличие от персонификации, это порождение конфессиональной старообрядческой субкультуры [Толковый словарь..., 1863, с. 16] имеет иной механизм возникновения и смыслопорождения, поэтому в расчет нами приниматься не будет, но оно показывает, что традиционная культура оперативно реагировала на противоэпидемические мероприятия, следовательно, дает возможность предположить изменения и в образе оспы.

Оспе как мифологическому (или демонологическому) персонажу исследователи уделяли мало внимания. Имеются посвященные ей статья в словаре М.Н. Власовой «Русские суеверия» [2000, с. 381–383] и статья В.В. Усачевой в словаре «Славянские древности» [2004, с. 575–578]. В обеих публикациях много материала по Болгарии, однако тамошняя «Баба Шарка» весьма отличается от русской «Воспы Воспивовны». Также оспа упоминается, как правило, при перечислении олицетворений прочих недугов в публикациях В.В. Усачевой [2008, с. 265–274], А.В. Юдина [2001, с. 87–96], Л.Н. Виноградовой [2021, с. 102–114], на уральском материале С.В. Голиковой [2012, с. 358–366]. Следовательно, в текстах больше внимания уделяется сходству оспы с другими инфекциями, чем ее специфике. Тем более названные авторы не ставили вопрос о влиянии вакцинации на трансформацию образа болезни. Осветить этот вопрос можно, обратившись к тематике и методам «новой истории медицины». История эпидемий является ее приоритетным направлением и включает в себя изучение «динамики отношений различных участников противоэпидемических кампаний, позволяющей увидеть конфликты интересов и проследить сложные взаимодействия культурных установок». В ней также «детально рассматриваются сценарии прямого и пассивного сопротивления санитарным мерам» [Афанасьева, 2016, с. 491]. Такой подход позволяет привлечь к анализу персонификации оспы наряду с историей эпидемий историю вакцинации и считать процесс антропоморфизма инфекции результатом взаимодействия господствующей и народной культур. Тем более что в условиях культурного доминирования правящих и образованных кругов над народом и при патерналистском отношении к нему распространение вакцинации является, наверно, единственным в социальной политике России начала XIX в. случаем, когда правительство пошло на проведение пропаган-

дистской кампании. Задача данной статьи — проанализировать каналы пропаганды оспопрививания в народной среде (особенно в первой трети XIX в.) и обнаружить ее влияние на персонификацию оспы как эпидемического агента.

Научать, уговаривать, увещевать прихожан

После открытия Э. Дженнера распространению массовой вакцинации в развитых странах Западной Европы способствовали широкие пропагандистские кампании, проводимые посредством прессы и вызвавшие возникновение новых общественных организаций. Российское правительство, «беспрестанно старающееся о распространении повсюду» нового спасительного средства, не могло опереться на эти каналы связи с населением из-за неразвитости гражданского общества и неграмотности народа. В России появились бюрократические органы под названием «оспенные комитеты», которые должны были координировать организацию прививания на местах. Однако принуждать людей вакцинироваться не спешили: министерство внутренних дел в 1805 г. предписало губернаторам не допускать «ни в каком случае никакого другого способа кроме убеждения и добровольного согласия» на новую медицинскую процедуру [Пастырское увещание..., 1811, с. 16]. Добиваться такого согласия от целевой аудитории решено было с помощью разветвленной сети церковных приходов, а в рупор вакцинации превратить приходский клир. Министр полиции А.Д. Балашов в «Записке... по предмету всеобщего распространения в государстве прививания коровьей оспы» указывал, что «пояснение пользы» оспопрививания «возложено было еще в 1804 г. на духовенство». В октябре того года епархиальным архиереям из Синода разослали указы, в которых прописывался механизм воздействия на паству: «дабы приходские священники, яко более могущие иметь влияние на крестьян и другого звания людей, внушали им о безвредности» вакцинации и «отвращали их для собственной пользы детей своих от несоглашения» [Там же, с. 4–5]. Столичный медико-филантропический комитет подготовил для высшей церковной инстанции печатное наставление с разъяснениями открытия Э. Дженнера, и Синод разослал его во все церкви и духовные училища империи для того, чтобы духовенство само получило «яснейшее понятие о сем изобретении» [Там же, с. 4].

Идеологи оспопрививательной кампании рекомендовали причту достигать пропагандистского эффекта, опираясь на противопоставления: «...сравнивать в приличных и убедительных выражениях действия оспы натуральной с оспою предохранительною, злу первой противопоставить благоденствия второй» [Первушин, 1874, с. 205]. Пример проповеднического искусства рядовым священникам подавали руководители епархий. В 1806 г. «Краткое пастырское увещание о привитии оспы» издал киевский митрополит Арсений [Там же]. 28 сентября 1809 г. с «задушевым словом архипастыря» к жителям Пермской епархии обратился ее глава епископ Иустин. В его «искреннейшем и вседушном увещании» натуральная оспа называлась «неминуемой и неизбежной, а часто и смертоносной», а коровья — «предохранительной», «предварительной и упредительной» [К биографии..., 1875, с. 621, 623]. Добиваясь психологического воздействия на паству, владыка от эпитетов перешел к примерам, выбрав в качестве последнего родительские чувства. Он сравнил матерей, отказавшихся сделать младенцам прививку и в оспенную эпидемию потерявших своих малюток, с матерями, согласившимися применить новое средство против «пагубнейшей язвы человеческого рода». Последние представлялись ему «благоразумными» — они, «взирая на живых и играющих своих детей, яко на агнцев, радуются и веселятся». В противоположность им Иустин описал женщину, которая, «как вторая Рахиль, о лишении... чада печалится... сокрушается, не может утешиться». Эмоции такой, «взирающей на мертвое» дитя, матери иерарх конкретизировал в серии риторических вопросов: «...не будет ли терзаться всей утробой, не будет ли обливаться горькими слезами, не будет ли бить себя в перси, не будет ли рвать власы главы своей и не будет ли вопить громким гласом». Вопить, по мнению проповедника, новоявленная Рахиль должна была следующее: «О, какая я окаянная мать, и какая детям своим злодейка и варварка!» [Там же, с. 624].

Появление в 1811 г. «оспенных комитетов» Синод подкрепил изданием особого «Пастырского увещания...», в авторы которого выбрал неординарную личность — епископа Вологодского Евгения (Болховитинова). В то время он был уже не только известным церковным писателем, но и действительным членом Российской академии и членом Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, а также ряда первых российских научных обществ. Текст в качестве эталона «увещеваний» вновь разослали по всем российским церквям с наказом священникам зачитывать его прихожанам каждый год по три раза. Вологодский архипастырь в поиске новых примеров разницы между «хорошей» и «плохой» оспами перешел от родителей к детям — главной мишени эпидемий. Он обращал

внимание паствы на то, что «дети, заражающиеся естественной находною оспою, часто в мучительном томлении кончат жизнь свою, а имеющие прививную коровью всегда безбоязненно и безопасно посреди их обращаются, наслаждаясь здоровьем» [Пастырское увещание..., 1811, с. 5]. К сочинению отца Евгения синодальные чиновники прибавили упомянутую выше «Записку» министра полиции А.Д. Балашова, в которой сановник советовал клиру наряду с поучениями прибегнуть к наглядной агитации: «объявлять имена выздоровевших, равно упоминать бы, с свойственным пастырю духовному увещанием, и о тех, кои... потеряли по небрежению своему семейного человека от натуральной оспы» [Там же, с. 20]. «Устав врачебный» 1858 г. сохранил это положение, доработав принцип наглядности: «не бесполезно учредить, чтобы те дети, особливо по деревням, у коих привита была предохранительная оспа, по совершенном выздоровлении приводимы были в праздник или воскресный день, смотря по удобности местного расстояния и в самую хорошую летнюю погоду, в церковь... коих и ставить впереди на особом от священника назначенном им месте». Тот после богослужения, когда прихожане достаточно посмотрят на привитых, должен был огласить сначала их имена, затем для контраста — имена жертв натуральной оспы. В документе резонно отмечалось: «...пример часто более действует на убеждение человека, нежели самое благоразумное увещание...» [Первушин, 1874, с. 206].

Картинки для народа

Однако пропагандистских ресурсов недоставало: Балашов еще в 1811 г. сетовал на то, что про оспопрививание «нет... книжки, в особенности для простого народа», и настаивал, чтобы медики написали таковую, «самым простым и внятным для всех слогом», «применяясь сколько можно к общим понятиям», и снабженную «надлежащими наставлениями и рисунками». Министр планировал перевести ее «на все употребительнейшие в провинции языки, напечатать гражданскими и церковными буквами и на первый случай на счет казны разослать потребное число экземпляров по всему государству» [Пастырское увещание..., 1811, с. 21]. Видимо, «Разговор о пользе прививания коровьей оспы» и «прибавление» к нему, опубликованные соответственно в 1804 и 1807 гг. адъюнкт-профессором московской Медико-хирургической академии Е.О. Мухиным, и работу «Повсеместное введение предохранительной оспы в Европейской и Азиатской России» О. Гунна, вышедшую также в 1807 г. и снабженную гравюрами о протекании процесса вакцинации, Балашова не устраивали. Опубликованное в 1841 г. по поручению «Вольного экономического общества» издателем журнала «Друг здоровья», доктором К.И. Грумм-Гржимайло «Руководство для прививания предохранительной оспы» также относилось к популярной литературе и не выполняло задач, возложенных на «книгу для народа» министром полиции. Максимизировать агитацию были призваны «картинки для народа», в сочинение которых вклад медиков оказался минимальным.

Напоминающая хорошо известный простолюдинам и любимый ими лубок, вышеуказанная медийная технология была признана эффективной стратегией воздействия на малообразованные массы. Д.А. Ровинскому встретилось до 9 подобных «листов», которые в 1881 г. он отнес к разряду «забавных». Принцип конструирования визуальной пропаганды был аналогичен вербальной и ясен коллекционеру: «В моем собрании есть картинка... изданная в виде наставления о прививании оспы от Санкт-петербургского воспитательного дома; на ней также наглядно представлен вред оспы... затем представлены и «спасительные действия прививной оспы: красота, здоровье, долголетие, жизнь» [Русские народные картинки, 1900, стб. 516]. Антитеза «хорошая-плохая» оспа прослеживалась уже в композиции — лист состоял из пары картинок, или картинка по сюжету разделялась на две части. Причем в ряде случаев учитывалась даже оппозиция «правое-левое»: на правой стороне располагали привитых, на левой — перенесших оспу. Изображения рассчитывались на восприятие массового зрителя, которому предлагалось «примерить» героев на себя и на свое ближайшее окружение, поэтому выбор персонажей выглядел вполне предсказуемо. Самый простой символ прививки заключался в отдельном образе — фольклорных «красной девице» и «добром молодце». Одна картинка показывает такого молодца с «рябым детиной», другая — «Разговор рябой девки Акулины с пригожей девкой Степанидой» (агитационные «листы» были без названия, собиратель дал их сам, достаточно произвольно). В других картинках присутствовали либо знакомый народу образный конструкт, например матери с детьми («Разговор рябой Феклы с пригожей Гурьевной»), отцы с детьми, либо обычные сценки: «Рябой Филатка заигрывает с пригожими девками», молодец балагурит с пригожей девушкой, игнорируя ее рябую подругу, подростки не хотят играть с обезображенными оспой товарищами и убегают от них. Самый сложный по композиции сюжет включал в себя похоронную процессию: отец с гробиком ребенка, мать и бабушка (все рябые), альтернативой

которой оказывался «детский хоровод и парень с девкой, откалывающие трепака» [Русские народные картинки, 1881, с. 468–470; Материалы..., 1890, с. 419–421; Русские народные картинки, 1900, стб. 516–518].

Идеологию оспопрививания целесообразнее всего было транслировать через изображение человека, и в «забавных» картинках хорошо видно освоение телесной формы в качестве визуальной стратегии агитации. Определенные модели поведения людей — привитых, и непривитых, и пострадавших от оспы — передавались через человеческую телесность, превращенную в главный пропагандистский маркер. Положительные персонажи своим внешним видом выражали пользу вакцинации. Культ их здорового тела передавался традиционным русским художественным языком: героини показательно статные, крепкие, румяные, герои физически сильные, высокие, удалые, молодцеватые. Антигерои, призванные указывать на вред отказа от прививки, выглядят неприглядными: они в обязательном порядке рябые — пропагандировать оспу через внешний облик помогала сыпь — характерный симптом заболевания, оставлявший после себя щербинки, рябинки и рубцы (у Г.И. Попова оспа — «корявая болезнь», «бобушка») [1996, с. 347]. Эти персонажи либо жалки (как Филатка), либо утрированно некрасивы и непропорциональны. Их омерзительный вид привлекал внимание, одновременно сигнализируя о том, что не прививаться плохо и опасно.

Визуальная информация в лубочной картинке детализировалась и подтверждалась вербальной — внизу изображения помещались зарифмованные слова. Словесный портрет привитых, не болевших оспой героинь — «белы, румяны и милы», с «прекрасными ручками», «прелестным голосом». Такой «разлапушке» кавалер признается: «Красой своей меня неволей в плен берешь, и поволокой глаз отраду мне даешь». Напротив, девки, пострадавшие от оспы, некрасивые, в первую очередь из-за проблем с кожей: нос «изрыт как будто кочерыга», а все лицо «как вяземска коврига». Из-за этого девушка, «хоть кожу смой с нее, все будет неумытой». Но главное — отталкивающий вид их образу придают оставшиеся от оспы уродства: глаза «на нос коробом светло», а он сам «совсем к губам прирос» [Русские народные картинки, 1881, с. 468–469]. При описании типажей молодых людей привитой парень характеризуется словами: «...чист лицом, кровь с молоком, здоров». Его антагонист — «рябая образина», он «от ног до головы весь пегой», «горбат и кривошей», «кривоног и кос» и на лицо уродлив — «трегуб», «рожа» как «шिताя». Другую жертву оспы — Филатку она «сгубила» и «всей дородности лишила». «Ека рожа-то дурная! Ека харя-то рябая!» — издеваются над ним «красавицы молодки», приговаривая: «Тараканы, знать, кусали. И глаза его косые, знать-то куры исклевали» [Материалы..., 1890, с. 420–421].

В качестве выразительного средства в картинках также использовалась дуальность эмоций. Мать привитых детей довольна собой, родственники умерших от оспы — «над детищем своим белугой ревут». Парень благодарит своих родителей — переболевшие оспой дети, наоборот, их укоряют («Вот батюшка родной, ведь ты тому виной»), упрекают за то, что те отказались их вакцинировать («Коли б истинно любил, коровью б оспу нам привил») [Русские народные картинки, 1881, с. 469–470; Материалы..., 1890, с. 419]. Изобразительные приемы касались и действий: обезображенных оспой детей, подростков, молодых людей ждет позор, насмешки, их избегают товарищи по играм, отвергает противоположный пол в качестве потенциальных брачных партнеров. Так, парень-балагур предпочитает пригожую девицу «дурной Улите», на ухаживания рябого парня пригожие девки отвечают «обхаиванием» [Русские народные картинки, 1881, с. 469]. Художественным языком подчеркивался и различный результат родительского выбора: «матери глупухи» и «карги упрямые старухи», которые «на детей наносной воспы ждуд», в качестве закономерного итога получают ребенка в гробу, потомство же умных и «любезных» родителей «резвится и кубари гоняет» [Там же]. Достижение нужного эффекта посредством противопоставления следует признать характерной чертой картинок как формы пропаганды.

Ответ населения на усилия государства: оспа «своя» и «чужая»

Автор статьи «Смертность от оспы и кори в Оханском уезде», скрывшись за инициалами А.Л., в 1860 г. писал: «...крестьяне, имеющие предубеждения противу привития оспы, под страхом взыскания не смеют уклоняться от него; даже раскольники при всем их суеверии и при всех своих глупых предрассудках, — и из тех многие, хотя и не хотя, а оспу прививают» (с. 260). А.Л. не только проговаривается, что прививка стала индикатором степени принуждения, но и подводит итоги вакцинации за дореформенный период. Разбираться же в причинах предубеждения народа после Великих реформ (когда он из объекта воздействия властей постепенно превращается в субъект такого воздействия и «страха взыскания» становится меньше, а реализовывать свои намерения — намного проще) пришлось земству, к которому в законодательном порядке перешло оспопрививание. Зем-

ские медицинские отчеты и периодика пестрят свидетельствами проявления традиционного сознания и являются столь же информативным источником для его изучения, как и специальные этнографические исследования того времени. В частности, они показывают, что социокультурные последствия насаждаемых «сверху» представлений об оспе как эпидемической болезни и оспе как прививке оказались далекими от прогнозируемых.

В ответ на старания правительства активировались защитные механизмы традиционного общества, хотя вариант государства оно заблокировало не полностью: простолюдины согласились с тем, что с наступлением прививочной эры число осп удвоилось, произошла их поляризация — они резко (как антиподы) отличаются друг от друга, однако предложили собственную трактовку, наделяя ту и другую взаимоисключающими свойствами с помощью бинарной оппозиции «свой-чужой». Специалист по народной культуре С.Е. Никитина подчеркивает, что «оппозиция “свой-чужой” очень хорошо осознается носителями культуры и ими самими номинируется именно так» [2017, с. 78]. В случае с оспой положительный модус восприятия получила болезнь, она сделалась «своей». Н.И. Мизеров и Н.Л. Скалзубов, характеризуя народную медицину Красноуфимского уезда, в 1893 г. сообщали, что «родимой» его жители называют натуральную оспу. Со «своей» оспой они, по оценке авторов, «сжились» [1893, с. 242–243]. В Чердынском уезде сроднились с ней настолько, что, по отзывам современников, «последствия болезни — слепота, параличи, сведение и проч. не пугали население» еще в начале XX в. [Ежегодник..., 1913, с. 72]. Напротив, «свою» оспу оно защищало от назойливых чужих, пытавшихся лечить пораженных ею. В середине 1880-х гг. жители Рождественской волости Екатеринбургского уезда «тщательно скрывали таковых» [Никольский, 1886, с. 29]. В северном врачебном участке Чердынского уезда «даже обнаружение ее существования» в конце 1880-х гг. вызывало агрессивную реакцию, а «какое-либо противодействие эпидемии» вообще встречалось «недружелюбно и даже враждебно» [Золотов, 1890, с. 17]. Население этой северо-западной оконечности губернии до конца изучаемого периода прятало заразившихся оспой больных и резко отрицательно относилось к их лечению. В 1913 г. «Ежегодник Чердынского уездного земства» писал: «От медицинского персонала заболевания тщательно скрываются и не только в уезде, но и в городе. Если же каким-либо образом и удастся попасть в дом, где есть заболевания, то скольких трудов стоит уговорить показать больного; его или спрячут в голубец или в укромное место, а уж на лицо обязательно платок накинута, дабы больного не изурочить» (с. 71–72).

С.Е. Никитина отмечает, что «содержание оппозиции “свое-чужое” наименее предсказуемо из всей совокупности известных оппозиций». «Два пустых контейнера “свой” и “чужой”, — продолжает исследователь, — заполняются смыслами или признаками только по разумению носителей культуры» [Никитина, 2017, с. 77]. Для обнаружения тех и других она предлагает посмотреть, как эта оппозиция раскрывается через другие универсальные оппозиции. Для натуральной-прививочной оспы такой, по терминологии Никитиной, доминантной оппозицией следует признать противопоставление «сакральное-профанное». А.П. Шанц, санитарный врач земства Оханского уезда, писала, что его население называет болезнь «Божьей оспицей», а ее эпидемическое распространение считает «Даром Божиим» [1913, с. 5]. В северном врачебном участке Чердынского уезда в конце 1880-х гг. заболевание представляли «Божьей гостьюей» [Золотов, 1890, с. 17]. «Ежегодник Чердынского уездного земства» в 1913 г. распространяет это наименование на весь уезд: «...не только на окраинах Чердынского уезда, но и в центре заболевание “воспицей” считается “Божьей гостьюей”» (с. 71). Полностью оппозиция «сакральное-профанное» по отношению к оспе проговаривалась редко, противоположный ее член для носителей народной культуры относился к значимым умолчаниям. В этой связи ценно довольно раннее свидетельство упомянутого А.Л., который уверял, что крестьяне Оханского уезда натуральную оспу «называют божественною, а прививочную мужицкою» [1860, с. 260] (особенностью России была подготовка так называемых волостных оспенников, на которых в государственной и удельной деревне возлагалось оспопрививание, из местных жителей — мужиков). Как показывает случай Чердынского уезда, почитание жителями «Божьей гостьюи» и ее популярность со временем возрастали. «С каким благоговением, — замечал «Ежегодник...» в 1913 г., — говорится о заболевшем оспой, что его “воспица клюнула”». Издание приводит сведения о противоречивом с рациональной точки зрения поведении местных жителей во время эпидемии: «Не далеко то время, а в некоторых углах оно и сейчас существует, когда суеверие относительно заболевания доходило до такой степени, что домохозяева, нетронутых болезнью домов, вырубали косяки у дверей, в надежде привлечь в дом “воспицу”» (с. 71).

Рассмотрение оппозиций указывает на важный сдвиг, произошедший в народном сознании в эпоху вакцинации. До ее наступления такая особо опасная болезнь, как оспа, ассоциировалась с мором, смертью, являлась воплощением второго члена оппозиции «жизнь-смерть», изначально происходила из чужих мест. Так, В.В. Усачева указывает еще на одну важную при анализе оспы дихотомию: «В теме “человек и болезни и их взаимоотношения” ярко высвечивается противостояние человек — не-человек» [2008, с. 273]. Следовательно, оспа, как моровая язва, противопоставлялась людям, не была им близка. Однако благодаря распространению оспопрививания с ней случилась метаморфоза: болезнь перешла в противоположный член оппозиции и стала не «чужой», а «своей», она перестала восприниматься как страшная повальная болезнь, которая нападает на человека, схватывает его, поэтому по отношению к ней был выработан особый кодекс поведения.

Уже сопоставление сведений о представлениях восточных славян в словарных статьях, посвященных оспе, чуме и холере, показывает, что образ оспы отличается от олицетворений двух других самых страшных эпидемий. При их анализе стоит также учитывать, что авторы статей опираются на материал, собранный в то время, когда вакцинация повсюду практиковалась. Самые ранние источники об оспе в словаре «Русские суеверия» — сведения В.И. Даля и А.С. Машкина (1862 г.), остальные — В.Ф. Демич, Г.И. Попов, Н.Ф. Высоцкий (как и пермские земцы) получили свою информацию в конце XIX — начале XX в. [Власова, 2000, с. 381–383]. Записи о персонификации оспы в допрививочную эпоху в распоряжении современных исследователей отсутствуют. Словарные статьи не уделяют внешнему виду оспы так много внимания, как антропоморфным воплощениям чумы и холеры [Белова, 2012а, с. 451–452; 2012b, с. 563; Власова, 2000, с. 517–521, 554–556]. Постоянно цитируются лишь два ее образа: в Орловской губернии болезнь представляли в виде женщины с воловьими пузырями вместо глаз, с ядом на языке, которым она облизывает свои жертвы [Власова, 2000, с. 381]; белорусским крестьянам воображение рисовало «злую, безобразную старуху с блещущими очами и выступающим наружу одним крепким зубом» [Ляцкий, 1892, с. 33–34]. В словарных статьях об оспе — по сравнению с текстами о чуме и холере — намного меньше сведений об охранительных действиях, средствах защиты, ритуальном выпроваживании, профилактических мерах.

Вместе с тем в словарных статьях приводятся комплиментарные имена, даваемые оспе в разных местностях России. Ее как дорогую, «божью» гостью величали по отчеству: Ивановной, Афанасьевой, Осиповной, употребляли по отношению к ней термины родства: у русских оспа — матушка, у белорусов — тетка. Никакого сравнения, например, с обращением тех же белорусов к чуме: «чумачумища, ведьма-ведьмища, сука-сукища» [Белорусский сборник, 1891, с. 143]. Слово «оспа» в отличие от «чумы» и «холеры» не употреблялось в ругательствах. Болезнь почитали, боялись оскорбить, старались ей угодить, в Олонецкой губернии заболевшие просили у недуга с поклонами прощения: «Прости меня, оспица, прости, Афанасьевна, чем перед тобою согрубила, чем провинилась» [Толковый словарь, 1863, с. 1278]. Образ оспы ближе к воплощениям лихорадок, однако В.Ф. Демич указывает на важное различие между ними в представлениях жителей Олонецкой губернии: «...с лихорадкой надо, говорят, поступать серьезнее, с оспою же — ласковой, первую — гонят, вторую — ласкают» [Демич, 1894, с. 154].

Активное и упорное неприятие населением Пермской губернии медицинской помощи заразившимся натуральной оспой, подпитываемое представлениями об этой болезни как о «божьем даре», весьма затрудняло борьбу с ее эпидемиями. Медики Пермской губернии постоянно уверяли, что они — в отличие от вызываемых другими инфекциями — приняли чуть ли не латентный характер. Врач усольского врачебного участка Соликамского уезда М.И. Торопова в конце XIX в. указывала: «...при оспе больные не обращаются за медицинским пособием. О больных оспой узнается случайно: позовут к какому-либо больному и здесь же увидишь больного оспой» [1899, с. 106]. Будущий санитарный врач Пермского губернского земства И.К. Курдов, ликвидируя в 1911 г. эпидемию оспы в Архангело-Пашийском заводе, с недоумением сообщал: «...несмотря на близость, доступность и доверие к медицине, оспа обнаружена была и то случайно, стороною, спустя 20 дней после первого ее появления» [1911, с. 6]. Санитарный врач Оханского уездного земства А.П. Шанц в 1913 г. вынуждена была признать, что «ужас» оспенной эпидемии «усугубляется тем, что она может остаться вне нашего поля зрения... до нас докатятся лишь отдаленные глухие удары» [1913, с. 3].

Таким образом, целенаправленные усилия правительственной пропаганды по противопоставлению пользы оспопрививания вреду натуральной оспы оказались культурнопродуктивными для народного сознания, воспринявшего принцип дуализма натуральной и прививной оспы.

Осмысление с предложенной модерным государством точки зрения уже имеющихся в традиционной культуре представлений о персонификации болезни совершалось с помощью оппозиции «свой-чужой» и доминантной ей оппозиции «сакральное-профанное». В результате произошло изменение в народной системе ценностей: особо опасная инфекция (в отличие от других эпидемий) поменяла место в традиционной картине мира — была признана народом «своей», «божьей», с которой не следует бороться. Практика межкультурных коммуникаций по поводу оспопрививания является не только яркой иллюстрацией пределов возможностей влияния доминирующей идеологии на народную культуру: последствием диалога власти с народом стали социально и культурно дифференцированные символические образы оспы. Альтернативой продвигаемой государством и медиками пары (полезная коровья оспа — опасная натуральная оспа) стали взгляды на натуральную оспу как «божью гостью» и стремление любыми способами избежать прививной оспы. Эти конкурентные версии, породив новую демаркационную линию между ученой и народной культурами, углубили разлом русского общества — у интеллигенции (не только врачебной) извращенные и нелепые взгляды широких масс на серьезное заболевание вызвали изумление, непонимание, раздражение и негодование. Они приводили к пробуксовке иммунопрофилактики против натуральной оспы и затрудняли выявление и лечение оспенных больных. На рубеже XIX–XX вв., когда в Пермской губернии началось успешное массовое применение противодифтерийной сыворотки и других бактериологических препаратов, эпидемиологическая ситуация с оспой выглядела абсолютно абсурдной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А.Л. Смертность от оспы и кори в Оханском уезде // Пермские губернские ведомости. 1860. № 20. Отд. неоф. С. 257–264.
- Афанасьева А.В. Новая история медицины в начале XXI века: основные тенденции развития // Преподаватель XXI век. 2016. № 4-2. С. 486–499.
- Белова О.В. Холера // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012а. Т. 5. С. 450–454.
- Белова О.В. Чума // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012б. Т. 5. С. 562–566.
- Белорусский сборник. Вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск: Тип. Г.А. Малкина, 1891. 452 с.
- Виноградова Н.Л. Русская народная демонология и ее региональные особенности. Ч. 1: Духи природных и домашних локусов. Персонификация смерти и болезней // Славяноведение. 2021. № 2. С. 102–114. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0014235-1>
- Власова М.Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 2000. 672 с.
- Голикова С.В. «Ее сочли за олицетворенную чуму...»: Репрезентация заразных болезней в мифологических образах жителями Урала второй половины XIX — начала XX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 358–366.
- Демич В.Ф. Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа: (Очерки русской народной медицины) // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1894. Отд. Практическая медицина. Т. XXII. Кн. III. С. 133–169.
- Ежегодник Чердынского уездного земства и календарь на 1914 год. Чердынь: Электро-моторная тип. П.Р. Безденежных, 1913. 199 с.
- Золотов. Санитарный обзор по северному врачебному участку за 1887/8 год // Отчет XX очередному Чердынскому уездному земскому собранию земских врачей по медицинской и ветеринарной части за 1887/88 г. Пермь, 1890. С. 16–22.
- К биографии преосвященного Иустина, бывшего епископа Пермского и Екатеринбургского // Пермские епархиальные ведомости. 1875. № 52. С. 617–625.
- Курдов И.К. Эпидемия натуральной оспы в Архангело-Пашийском заводе Пермского уезда в феврале-марте месяцах 1911 г. // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1911. № 3–5. С. 1–10.
- Ляцкий Е.А. Болезнь и смерть по представлениям белоруссов // ЭО. 1892. № 2–3. С. 23–41.
- Материалы для русской иконографии: Собрал Д.А. Ровинский. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1890. Вып. XI. 441 с.
- Мизеров Н.И., Скалозубов Н.Л. К вопросу о народной медицине в Красноуфимском уезде // Пермский край. Пермь, 1893. Т. 2. С. 238–281.
- Никитина С.Е. «Свое — чужое» в языке и культуре русских конфессиональных групп // Вопросы психолингвистики. 2017. № 33. С. 76–91.
- Никольский Д.П. Очерк медико-санитарного состояния Рождественской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. 1886. Т. II. Отд. IV. С. 15–30.

Оспа хорошая и плохая: эволюция народных представлений о персонификации болезни на Урале...

Пастырское увещание о прививании предохранительной коровьей оспы, сочиненное епископом Вологодским Евгением. М.: Синодальная тип., 1811. 22 (3) с.

Первушин М. Участие духовенства в деле распространения оспопрививания // Пермские епархиальные ведомости. 1874. № 20. С. 204–209.

Полов И.Г. Русская народно-бытовая медицина // М.Д. Торэн. Русская народная медицина и психотерапия. СПб.: Литера, 1996. С. 277–470.

Русские народные картинки: Собрал и описал Д. Ровинский // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. СПб.: Тип. императорской академии наук, 1881. Т. 23. Кн. 1: Сказки и забавные листы. 510 с.

Русские народные картинки: Собрал и описал Д. Ровинский. СПб.: Изд. Р. Голике, 1900. Т. 1. 520 (64) стб.

Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд. общества любителей российской словесности, 1863. Т. 1, 2. LIV, 627 с.; С. 629–1351.

Торопова М.И. Отчет по Усольскому врачебному участку за 1898 год и с 1 января по 1 июля 1899 года // Журналы XIX чрезвычайного и XXX очередного Соликамских уездных земских собраний со всеми приложениями. 1899. Пермь, 1900. С. 81–133.

Усачева В.В. Контакты человека с демонами болезни: способы защиты и избавления от них // В.В. Усачева. Магия слова и действия в народной культуре славян. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 265–274.

Усачева В.В. Оспа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 575–578.

Шанц А.П. О реорганизации постановки оспопрививания в Оханском уезде // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1913. № 11–12. С. 1–25.

Юдин А.В. Персонифицированные болезни и способы борьбы с ними в народной культуре восточных славян // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. Т. 6: Choroba, lek i zdrowie. Warszawa: SOW, 2001. S. 87–96.

Golikova S.V.

Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620099, Russian Federation
E-mail: avokilog@mail.ru

Smallpox good and bad: evolution of popular perceptions of the personification of the disease in the Urals in the 19th — early 20th century

In this paper, elaboration of the image of smallpox in popular perception, which manifested itself in connection with the organization of smallpox vaccination by the Russian government, is examined. In the context of the cultural dominance of the ruling class over the people and paternalistic attitude towards it, promulgation of the vaccination is a unique phenomenon for the early 19th century Russia, when the “amount at stake” forced the authorities to appeal to their subjects. It provides an opportunity to analyze the symbols generated by the dominant ideology and their perception by traditional consciousness. Propaganda started by means of sermons by the clergy. Numerous Exhortations emphasized contraposition of the benefits of the vaccinated smallpox and the harm of the natural smallpox. The verbal channel of the agitation was supported by a visual one — publication of “popular prints”. Analysis of the plots in nine images from D.A. Rovinsky’s collection showed that corporeality was recognized as the main means of the visual agitation. Through the image of human body, health and beauty of persons vaccinated against smallpox was transmitted, as well as deformity and hideousness of those who went through the natural smallpox. Having absorbed the dualism of the pro-government propaganda, popular consciousness went to create an alternative version of perceptions of the infection and vaccination. By applying the binary oppositions ‘friend-foe’ and ‘sacred-profane’, people made an important change in their own system of values: unlike other epidemics, such a particularly dangerous infection as smallpox had changed its place in the traditional worldview. It stopped being associated with plague and death and became recognized as being “one’s own” and “godsent”. Therefore, it should not be opposed but should be accepted with gratitude as a “gift of God”. Intercultural communications on the subject of smallpox vaccination are not only a vivid illustration of the ambiguous impact of the dominant ideology on a folk culture; the emergence of socially and culturally differentiated images of smallpox, having drawn a new demarcation line between the scholarly and folk cultures, deepened the rift in the Russian society, as well as introduced additional difficulties in the process of immunoprophylaxis and made it difficult to identify and treat the smallpox patients.

Keywords: personification of disease, history of immunoprophylaxis, smallpox vaccination, “popular prints”, opposition “our-alien”.

REFERENCES

Afanasyeva, A.E. (2016). Modern history of medicine at the beginning of the 21st century: Main tendencies of development. *Prepodavatel' XXI vek*, (4-2), 486–499. (Rus.).

Belova, O.V. (2012a). Cholera. In: *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheski slovar'*. T. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 450–454. (Rus.).

- Belova, O.V. (2012b). Plague. In: *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheski slovar'*. T. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 562–566. (Rus.).
- Bolhovitinov, E.A. (1811). *Pastoral exhortation on vaccination of protective cowpox, composed by Bishop of Vologda Eugene*. Moscow: Sinodal'naja tipografija. (Rus.).
- Dahl, V.I. (1863). *Explanatory Dictionary of the Alive Great-Russian Language*. T. 1, 2. Moscow: Izd. obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti. (Rus.).
- Demich, V.F. (1894). Fever diseases and their treatment in the Russian people: (Essays on Russian Folk Medicine). *Vestnik obshhestvennoj gigieny, sudebnoj i praktičeskoj mediciny. Otd. Praktičeskaja medicina*, XXII (III), 133–169. (Rus.).
- Golikova, S.V. (2012). “She was seen as the plague incarnate...”: The Representations of infectious diseases as mythological images by the people of the Urals region in the second half of the 19th — early 20th cc. *Dialog so vremenem*, (41), 358–366. (Rus.).
- Kurdov, I.K. (1911). Smallpox epidemic in the Archangel-Pashiysk plant of Perm district in February-March months of 1911. *Vrachebno-sanitarnaja hronika Permskoj gubernii*, (3–5), 1–10. (Rus.).
- Ljackij, E.A. (1892). Sickness and death according to the ideas of Belarussian. *Jetnograficheskoe obozrenie*, (2–3), 23–41. (Rus.).
- Lukanin, A.M. [A.L.] (1860). Measles and smallpox mortality in Okhansky district. *Permskie gubernskie ведомosti*, (20), 257–264. (Rus.).
- Mizerov, N.I., Skalozubov, N.L. (1893). To the question of folk medicine in Krasnoufimsky district. *Permskij kraj*, (2), 238–281. (Rus.).
- Nikitina, S.E. (2017). “Our — alien” in language and culture of russian confessional groups. *Voprosy psiholingvistiki*, (33), 76–91. (Rus.).
- Nikol'skij, D.P. (1886). Essay on the medical condition of the Rozhdestvensky volost of the Yekaterinburg district of the Perm province. *Vestnik sudebnoj mediciny i obshhestvennoj gigieny*, (2), 15–30. (Rus.).
- Pervushin, M. (1874). Participation of the clergy in the spread of inspiration. *Permskie eparhial'nye ведомosti*, (20), 204–209. (Rus.).
- Popov, I.G. (1996). Russian folk medicine. In: M.D. Toren. *Russian tradicional medicine and psychotherapy*. St. Petersburg: Litera, 277–470. (Rus.).
- Romanov, E.R. (1891). *Belarussian Miscellanea. Issue 5: Charms, Apocryphae, Spiritual Verses*. Vitebsk: Tipografija G.A. Malkina. (Rus.).
- Rovinskiy, D.A. (1881). Russian folk pictures *Sbornik otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti imperatorskoj akademii nauk*. T. 23. Kn. 1: *Skazki i zabavnye listy*. St. Petersburg: Tipografija imperatorskoj akademii nauk. (Rus.).
- Rovinskiy, D.A. (1890). *Materials for Russian iconography*. T. 9. St. Petersburg: Jekspedicija zagotovlenija gosudarstvennyh bumag. (Rus.).
- Rovinskiy, D.A. (1900). *Russian folk pictures*. T. 1. St. Petersburg: Izdanie R. Golike. (Rus.).
- Shanc, A.P. (1913). On the reorganization of Smallpox vaccination in the Ohan district. *Vrachebno-sanitarnaja hronika Permskoj gubernii*, (11–12), 1–25. (Rus.).
- Toropova, M.I. (1899). Report on the Usolsky medical site for 1898 and from January 1 to July 1, 1899. In: *Zhurnaly XIX chrezvychajnogo i XXX ocherednogo Solikamskih uezdnyh zemskih sobranij so vseimi prilozhenijami*. Perm': Tipografija gubernskoj zemskoj upravy, 81–133. (Rus.).
- Usacheva, V.V. (2008). *The magic of words and actions in the folk culture of the Slavs*. Moscow: Institut slavjanovedenija RAN. (Rus.).
- Usacheva, V.V. (2004). Smallpox. In: *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheski slovar'*. T. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 575–578. (Rus.).
- Vinogradova, L.N. (2021). Russian folk demonology and its regional features. Part I: The Spirits of nature and house locuses. The Personification of death and diseases. *Slavjanovedenie*, (2), 102–114. (Rus.).
- Vlasova, M.N. (2001). *Russian Superstitions: An Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg: Azbuka. (Rus.).
- Yudin, A.V. (2001). Personalized illness and ways to deal with them in the popular culture of the Eastern Slavs. In: *Studia Litteraria Polono-Slavica*. T. 6: *Choroba, lek i zdrowie*. Warszawa: SOW, 87–96. (Rus.).
- Zolotov, (1890). Sanitary Overview of the Northern Medical Site, 1887/8. In: *Otchet XX ocherednomu Cherdynskomu uezdnomu zemskomu sobraniju zemskih vrachej po medicinskoj i veterinamoj chasti za 1887/88 g.* Perm': Tipografija gubernskoj zemskoj upravy, 16–22. (Rus.).

Голикова С.В., <https://orcid.org/0000-0001-8272-4763>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 30.05.2022

Article is published: 15.09.2022